

Научная статья

УДК: 341.9

DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.222.240

Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты

Александр Николаевич Сквозников

Тольяттинский государственный университет, Россия 445020, Тольятти, ул. Ушакова, 57. skvoznikov2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Аннотация

Целью работы является изучение института ограничения прав человека и основных свобод при чрезвычайной опасности общественному здоровью, а также правовых оснований и пределов таких ограничений в доктрине международного права. Эмпирической основой исследования стали нормы международных договоров и иных правовых актов, а также материалы зарубежных периодических изданий. Институт прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19 подвергается серьезной трансформации, результатом которой может стать появление новой парадигмы прав человека. Многие государства, являющиеся родоначальниками европейского гуманизма, на котором основано современное международное право, под влиянием пандемии постепенно отходят от его базового принципа о признании человека в качестве высшей ценности, реализуемого через идею автономии и универсальности личности. Некоторые современные государства активно культивируют иные по сравнению с европейским гуманизмом ценности и принципы, в которых в качестве приоритета выступает общественное (коллективное) благо, в частности, здоровье всего общества, при ограничении автономии личности и индивидуальных прав. Научная новизна работы состоит в обосновании условий ограничений прав человека и основных свобод при глобальной угрозе общественному здоровью в форме пандемии. Практическое значение исследования состоит в том, что были выявлены существенные противоречия между должным (формальным) порядком по ограничению прав и свобод человека, установленным международным правом, и фактически сложившейся ранее практикой субъектов международного права. Преодоление данных противоречий возможно только путем

неукоснительного соблюдения норм и принципов международного права. Автором выявлены существенные изменения политико-правовой сущности современного государства. Констатируется, что модель государства, сложившаяся в период Нового времени, подвергается серьезной трансформации: концепция общественного договора, основанная на ограничении государственной власти в интересах личности, все больше уступает место неограниченному праву вмешательства государства в частную жизнь.

Ключевые слова

права человека и основные свободы, гуманизм, международное право, личная тайна, свобода передвижения, пандемия, публичные интересы, цифровое неравенство, дискриминация.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 222–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.222.240.

Law in the Modern World

Research article

Limitation of Human Rights and Freedoms in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Legal Aspects

Aleksander N. Skvoznikov

Togliatti State University, 57 Ushakova Street, Togliatti 445020, Russia, skvoznikov2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Abstract

The aim of the work is to study the institution of restriction of human rights and freedoms in the face of an emergency danger to human health, the legal grounds and limits of such restrictions in the doctrine of international law. The empirical basis of the study was the norms of international treaties and other legal acts, as well as materials from foreign periodicals. In the course of the study, the corresponding special-legal methods were applied: formal-legal, comparative-legal, hermeneutic. The author came to the conclusion that international law allows in some cases the restriction of human rights and freedoms, including in the presence of a serious threat to public health. The institution of human rights and freedoms in the context of the COVID-19 pandemic is undergoing a major transformation, which may result in the emergence of a new paradigm of human rights. Many states that are the founders of the

European humanism, which appeared to be a fundament of modern international law, but, under the influence of the pandemic, they are gradually moving away from its basic principle of recognizing a person as the highest value, implemented through the idea of autonomy and universality of the individual. Some modern states are actively cultivating other values and principles compared to European humanism, in which the public (collective) good, in particular, the health of the whole society, is a priority, while limiting the autonomy of human person and individual rights. Arbitrary introduction by states of restrictions on human rights and freedoms, bypassing international law, and in particular ignoring the recommendations of the World Health Organization, a specialized international body authorized to ensure public health at the global level, undermines the international legal order and creates additional difficulties in the fight against the pandemic. The scientific novelty lies in the fact that the study substantiated the criteria for restricting human rights and freedoms in the face of a global threat to public health in a pandemic. Such restrictions must be proportionate to the threat and scientifically justified. When introducing restrictions, arbitrariness or discrimination is excluded; restrictions must be limited in time and must not prejudice the democratic functioning of society. The practical significance of the study is that significant contradictions were identified between the proper (formal) procedure for restricting human rights and freedoms established by international law and the actual practice of subjects of international law. Overcoming these contradictions is possible only through strict observance of the norms and principles of international law. Significant changes in the political and legal essence of the modern state are revealed. The model of the state that developed in the Modern Times is undergoing a major transformation: the concept of a social contract based on the limitation of state power in the interests of the individual is increasingly giving way to the unlimited right of state intervention in private life.

Keywords

human rights and freedoms, humanism, international law, personal secrets, freedom of movement, pandemic, public interests, digital inequality, discrimination.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Skvoznikov A.N. (2022) Limitation of Human Rights and Freedoms in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Legal Aspects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 3, pp. 222–240 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.222.240.

Введение

Спор о свободе личности и ее пределах, о соотношении и балансе между личными и публичными интересами ведется со времен античности. Пандемия COVID-19 вновь обострила общественную и научную дискуссии о соотношении интересов отдельной личности и интересов общества. Пандемия стала испытанием на прочность многих национальных правовых порядков и всей современной системы международного права, основанной на гуманистических, демократических ценностях и принципах.

В гуманистической парадигме правопонимания сложилось понятие: права и свободы человека есть фундаментальная ценность современного общества. Уровень защиты прав и свобод человека и гражданина долгое время считался индикатором политического и правового развития каждого государства, показателем его зрелости, цивилизованности. Индивидуальная свобода личности, начиная с античности, рассматривалась как непеременимое условие сохранения и дальнейшего развития материальной и духовной культуры.

Реализация прав и свобод отдельного человека, как правило, осуществляется при его взаимодействии с другими лицами. В жизни интересы отдельного человека объективно могут вступить в противоречие с интересами других личностей или коллектива, может также возникнуть конфликт индивидуальных интересов. На протяжении длительного времени в правоведении действует аксиома — человек, реализуя свои права, гарантированные ему международным и национальным правом, не должен причинять вред правам и свободам других лиц и обществу в целом.

Современное государство играет организующую роль в регулировании общественных правоотношений. В этом смысле оно наделено полномочиями защиты прав человека, с одной стороны, и их ограничения в целях защиты публичных и частных интересов, с другой. Государство таким образом выступает как институт, гарантирующий реализацию и защиту естественных прав человека. Перед ним поставлена задача согласования индивидуальных интересов, достижения компромисса между не совпадающими интересами и правами отдельных субъектов.

Таким образом, в определенных ситуациях для защиты всего общества необходимо ограничить права и свободы конкретного индивида. Это означает: чтобы защитить одну из категорий прав и свобод человека, требуется ограничить другие его права и свободы. Возникает концептуальное логическое противоречие: во имя защиты свободы требуется отказаться от свободы [Грецкова Е.Е., 2009: 3].

В национальном праве многих современных государств функционирует институт ограничения прав и свобод человека и гражданина в интересах личности, общества и государства, в том числе от глобальных угроз (международный терроризм, международная преступность, глобальная пандемия). Данный институт ограничений основан на нормах, закрепленных в международных договорах. Нормы и принципы международного права являются основой правовой защиты прав и свобод человека в каждом отдельном государстве.

Очевидно, что одним из способов регулирования отношений в обществе является установление различных ограничений и запретов, с помощью которых государство реализует свои функции по обеспечению безопасности

всего общества. Вместе с тем пределы ограничений публичной властью прав человека в международном праве четко не установлены. Поэтому в период различных кризисов и пандемий возрастает опасность произвольного вторжения государственной власти в сферу прав и свобод человека, гарантированных международным правом.

Реализация прав и свобод человека в особых (чрезвычайных) условиях является актуальной проблемой. Соотношение прав, свобод, интересов каждого человека с правами, свободами и интересами других лиц, интересами общества и государства имеет научный и, безусловно, практическое значение.

В период пандемии коронавируса COVID-19 многие государства стали вводить всевозможные ограничения прав и свобод граждан, что стало предметом научного обсуждения. Предметом научного исследования отдельных авторов стала проблема правомерности с позиций международного права вводимых государствами ограничений свободы передвижения в условиях пандемии. Ряд исследователей полагает, что введенный во многих странах запрет для граждан на зарубежные поездки является чрезвычайно жесткой и необоснованной мерой ограничения индивидуальной свободы, которая противоречит международному праву и приводит к ненужной экономической изоляции [Meier B., Habibi R., Yang Y., 2020: 1436]. Беспрецедентное закрытие границ и ограничение свободы передвижения граждан вызвало негативные последствия, поскольку создало препятствия, в том числе и для перемещения медицинских работников и медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты и лекарств, необходимых для сдерживания распространения вируса и спасения жизней заболевших [Devi S., 2020: 1331].

Ряд ведущих ученых в области правового регулирования глобального здравоохранения в исследованиях сосредотачивает внимание юридического научного сообщества на таком аспекте, что многие ограничения, введенные десятками стран во время вспышки COVID-19, не были согласованы с Всемирной организацией здравоохранения [Habibi R., Burci L., de Campos T. et al., 2020: 664], что явилось нарушением международных норм, в частности, принятых в 2005 г. Международных медико-санитарных правил.¹

Некоторые исследователи обоснованно фокусируют внимание научного сообщества на том обстоятельстве, что в последние годы международное право и национальное право многих государств, основанное на принципе равенства личностей в своей свободе, испытывают серьезное давление со стороны технократической цивилизации. Это выражается в постоянной

¹ Международные медико-санитарные правила. Приняты на 58-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 23.05. 2005. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/health_regulations.pdf (дата обращения: 10.01.2022)

технологической экспансии в природу человека, в том числе вторжении в его личное пространство, личные права и свободы [Лапаева В.В., 2021: 4]. Такая экспансия во многом обосновывается идеей прогресса и всеобщего блага.

Ряд авторов обратил внимание на тот аспект, что вспышка пандемии COVID-19 привела к ускорению цифровизации современного общества. Это, в свою очередь, породило дополнительные проблемы в сфере защиты прав и свобод человека. В связи с пандемией, начавшейся в 2020 году, в глобальном масштабе значительно усилилось цифровое неравенство — ограничение возможностей отдельных социальных групп из-за отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации [Blassime A., Vaena E., 2019: 760].

Целью настоящей работы является изучение института ограничения прав и свобод человека в международном праве в условиях чрезвычайной опасности общественному здоровью, правовых оснований и пределов такого ограничений. Автор поставил перед собой следующие задачи: исследовать условия ограничения прав и свобод человека, закрепленные в международном праве; определить границы вторжения общества (публичной власти) в сферу частной жизни; обосновать критерии, применение которых позволит обеспечить разумный баланс частных (индивидуальных) и публичных интересов при ограничении прав и свобод человека в чрезвычайных условиях; выявить и конкретизировать такие условия, при которых ограничительные меры не будут противоречить нормам международного права.

В ходе исследования применены релевантные общенаучные и специально-юридические методы. Методологической основой работы выступает диалектический метод научного познания, на котором основаны формально-правовой и сравнительно-правовой подходы. Изучение международных правовых актов проведено с помощью формально-правового метода. Данный метод позволил выявить и обобщить условия, критерии и пределы ограничений прав и свобод человека со стороны государства в чрезвычайных обстоятельствах.

Сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставление содержания правовых норм, касающихся ограничений прав и свобод человека и закрепленных в международных соглашениях, и практикой применения института ограничений прав и свобод человека в условиях пандемии. Данный метод позволили выявить серьезные противоречия между должным, формальным порядком ограничения прав и свобод человека, закрепленным в международных договорах, и фактическими обстоятельствами, сложившейся практикой субъектов международного права. Герменевтический метод был применен в процессе толкования норм международных соглашений

и уяснения содержания института ограничений прав и свобод человека в международном публичном праве.

Общенаучные методы (анализ и синтез, абстракция, дедукция и индукция) нашли в работе применение как по отдельности каждый, так и в составе других методов.

1. Институт ограничения прав и свобод человека в международном праве

В международно-правовых отношениях отсутствует запрет на установление государством в пределах его территории в чрезвычайных условиях ограничений некоторых прав человека, например, свободы передвижения, собраний, деятельности средств массовой информации. Речь идет о временной невозможности осуществления отдельных прав, в том числе по причине вынужденного запрета. Вместе с тем ограничительные меры должны приниматься только в той степени, в которой они необходимы государству в интересах его безопасности и не могут противоречить обязательствам, вытекающим из международного права. Ограничения прав и свобод допустимы в демократическом обществе в качестве крайней меры, когда все иные средства уже исчерпаны.

В статье 29 Всеобщей декларации прав человека (1948) закреплено ограничение прав и свобод человека с целью обеспечения прав и свобод других лиц, а также для выполнения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе². Целью ограничений прав и свобод человека в Декларации выступают права и свободы других лиц, мораль, общественный порядок и общественное благо. Содержание данных понятий в документе не конкретизируется. Таким образом, норма об ограничении прав и свобод человека сформулирована широко, что может создавать почву различных злоупотреблений при ее применении, в частности, при принятии ограничительных мер, несоизмеренных с охраняемыми общественными интересами.

В международных соглашениях в области прав и свобод человека, принятых во второй половине XX века, предусмотрено право государств на derogation, т.е. отступление от взятых ими на себя ранее обязательств защиты прав человека в особых (чрезвычайных) обстоятельствах. В частности, в ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) закреплено, что в чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни на-

² Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. Available at: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.01.2022)

ции, государство может отступать от обязательств по настоящей Конвенции в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств³.

В статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) право государства отступать от обязательств обеспечивать права и свободы человека ограничено несколькими условиями. Ограничения этих прав и свобод допускаются только в период официально введенного в государстве чрезвычайного положения, при котором жизнь нации находится под угрозой. При этом не допускается, чтобы вводимые ограничения прав и свобод человека препятствовали исполнению государством других обязательств по международному праву или приводили бы к дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Степень ограничения прав и свобод ставится в зависимость от остроты создавшегося положения⁴. Данная норма опять же сформулирована весьма неконкретно, расплывчато. Это таит в себе угрозу ее произвольного толкования и как результат — опасность несоразмерного ограничения прав и свобод человека в чрезвычайных условиях.

Помимо чрезвычайного положения, еще одним правовым основанием ограничения прав и свобод человека, которое предусмотрено международным правом, является угроза жизни и общественному здоровью. В частности в Сиракузских принципах 1984 г. закреплено, что некоторые права человека могут быть ограничены с целью осуществления государством необходимых мер в отношении серьезной угрозы здоровью населения или отдельным лицам. Эти меры должны быть направлены на профилактику заболеваний или травматизма или на обеспечение ухода за больными и травмированными (ст. 25 ч. I)⁵.

Впервые вспышка вирусного заболевания стала рассматриваться в качестве угрозы международной безопасности в 2014 г. в связи с распространением вируса Эбола в Западной Африке. Принятая в связи с данной эпидемией резолюция Совета Безопасности ООН предусматривала превентивные

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 04.11.1950. Available at: URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/d31a37bbb0f3491a9c4a825fe1f9b46808f5b7c8/ (дата обращения: 30.12.2021)

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи 16.12. 1966. Available at: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 08.01.2022)

⁵ Сиракузские принципы, о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в международном пакте о гражданских и политических правах / Экономический и социальный совет ООН. Комиссия по правам человека. 41 сессия. 28.09.1984. Available at: <https://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=4933d0b22> (дата обращения: 08.01.2022)

меры борьбы с эпидемией, в том числе изоляцию лиц с подозрением на инфекцию⁶.

Указанные факты свидетельствуют, что международное право и основанное на нем законодательство большинства современных государств допускают ограничение прав и свобод человека с целью обеспечения общего блага, безопасности всего общества. Вместе с тем нерешенным остается вопрос о нормативном закреплении в международном праве целей, средств и пределов ограничений прав и свобод человека и допустимого вмешательства в частную жизнь в публичных интересах.

Официальные представители ООН неоднократно заявляли о необходимости защиты прав человека в условиях пандемии и о недопустимости усиления неравенства в чрезвычайных условиях общемирового кризиса, вызванного пандемией⁷. В частности, Верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет выражала обеспокоенность тем, что правительства некоторых стран в условиях пандемии получили чрезвычайные полномочия на неопределенный срок или под предлогом пандемии внесли в национальное законодательство изменения, позволяющие осуществлять некоторые репрессивные меры. Речь идет об ограничениях деятельности независимой прессы, запугивании журналистов и блогеров, которые сообщали о нехватке медицинских масок и иных средств защиты, а также о задержаниях жителей некоторых стран за обсуждение темы пандемии коронавируса и выражение своего мнения о данной проблематике в социальных сетях⁸. Таким образом, речь идет об ограничении права на получение и распространение информации, а также об ужесточении цензуры.

2. Наступление на базовые права человека в условиях пандемии

Одним из базовых прав человека является неприкосновенность его частной жизни. В соответствии со ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах человек не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь. Вместе с тем, данная норма предполагает, что существует как законное, так и незаконное вмешательство в личную жизнь. Таким образом, необходимо разобраться —

⁶ Резолюция 2177 Совета Безопасности 18.09. 2014. S/RES/2177. Available at: URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/546f0cf94.html> (дата обращения: 21.11 2021)

⁷ United Nations. Protecting human rights amid COVID-19 crisis. Available at: URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/protecting-human-rights-amid-covid-19-crisis> (дата обращения: 20.11.2021)

⁸ COVID-19: UN Chief Human Rights Defender Concerns Harassment of Journalists. UN News. 24.04. 2020. Available at: URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376722> (дата обращения: 30.05.2022)

а что же считать законным основанием ограничения прав и свобод человека, в том числе ограничения неприкосновенности частной жизни?

В период пандемии некоторые государства (Южная Корея, Сингапур, Австралия и др.) приняли нормативно-правовые акты, открывшие государственным органам доступ к личным данным граждан: к информации о здоровье человека, его передвижении и точном местонахождении, о социальных контактах, об операциях, совершаемых по кредитным картам. В Южной Корее эти данные собирались без соответствующего письменного согласия лиц на сбор и хранение персональных данных [Morley J., Cows J., Taddeo M., 2020: 29]. В ходе пандемии в Южной Корее появились такие неправовые термины, как «лицо, подозреваемое в заражении», или «лицо, контактировавшее с инфицированным человеком». Некоторые из этих лиц пострадали от нежелательного вторжения в частную жизнь и даже стали предметом публичного презрения [Park S., Choi G., Ko H., 2020: 2129–2130].

В данном случае раскрытие персональных данных является нарушением права на неприкосновенность частной жизни. Сбор таких данных потенциально угрожает конфиденциальности, равенству и справедливости. Быстрое развертывание технологий отслеживания через мобильные устройства и приложения сопряжено с риском утечки информации о здоровье, передвижениях и социальных взаимодействиях человека.

В некоторых государствах была ограничена свобода передвижения. Но с точки зрения защиты прав человека вызывает опасения не столько временное ограничение физического передвижения граждан в пространстве, сколько использование инвазивных (навязываемых) технологий, с помощью которых проводилось отслеживание перемещения физических лиц. В частности, в Китайской Народной Республике для перемещения по улице и посещения публичных мест граждане обязаны были установить и использовать мобильное приложение, которое назначало каждому пользователю цифровой QR-код, который имеет красный, желтый или зеленый цвет, чтобы указать на карантинный статус этого человека и, следовательно, на его способность передвигаться. В Гонконге лиц, помещенных на карантин, обязали носить электронный браслет, который через приложение сообщает местным властям о местонахождении лица. В Польше были введены требования обязательной самоизоляции в течение 14 дней для граждан после возвращения из-за границы. Указанные лица обязаны были отправлять в местную полицию доказательства своего пребывания по месту жительства в форме фотографий и данных о геолокации в своем мобильном устройстве.

Выявление и обмен данными о здоровье или болезни (медицинском диагнозе) человека без его согласия является не только нарушением этических норм, но и ставит под угрозу право индивида на врачебную тайну. В Китае, например, органы власти не запрашивали разрешения граждан страны перед использова-

нием данных отслеживания с мобильных телефонов для идентификации пациентов с подозрением на COVID-19 [Labs J., Terry S., 2020: 535–536].

Внедрение технологий для отслеживания контактов между гражданами должно быть основано на демократических принципах и институтах, непрерывной общественной дискуссии и готовности исправлять ситуацию при необходимости [Braun M., Hummel P., 2020: 360]. Иначе применение данных технологий без общественного обсуждения подрывает их легитимность и доверие к государственной власти.

Применение некоторых информационных технологий, направленных на контроль над перемещением лиц, с одной стороны, приносит положительные плоды: оно способствует снижению распространения коронавируса и его новых штаммов. С другой, сохраняется риск неправомерного доступа к персональным данным, разглашения личной, семейной и врачебной тайны. Соблюдение цифровых прав человека является важнейшим условием обеспечения неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайн, свободы слова, свободы передвижения, иных человеческих прав вне зависимости от чрезвычайности сложившегося положения.

ВОЗ в период пандемии выступала и продолжает выступать против закрытия границ и ограничения зарубежных поездок граждан, так как данные меры препятствуют доставке необходимой помощи, а также могут вызвать у стран ложное чувство безопасности. По Международным медико-санитарным правилам, обязательным для всех государств-членов ВОЗ, медико-санитарные меры в области общественного здравоохранения, осуществляются с полным уважением достоинства, прав человека и его основных свобод. Ограничительные меры должны быть соизмеримы с рисками для общественного здоровья и ограничены ими, такие меры не должны создавать лишних препятствий для международных перевозок и торговли⁹.

Таким образом, субъектам международного права следует избегать агрессивных и навязчивых ограничений свободы передвижения и личной свободы. Вводимые ограничения должны быть основаны на научных данных и рекомендациях ВОЗ.

3. Дискуссия по изучаемой проблеме в российской доктрине международного права

Ныне в юридической науке и профессиональном юридическом сообществе развернулась активная дискуссия о правомерности вводимых повсеместно ограничений прав и свобод человека в условиях пандемии. Насколько вводи-

⁹ International Health Regulations. Adopted by the 58th World Health Assembly in 2005 in resolution WHA58.3. Available at: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241580496> (дата обращения: 08.01.2022)

мые ограничения являются допустимыми, соразмерными степени опасности, достаточными, оправданными, т.е. соответствуют ли они поставленной цели — прекращение глобальной пандемии? В доктрине международного права существуют полярные точки зрения о возможном отступлении государств от принятых им обязательств обеспечения прав и свобод человека. Противники широкомасштабных ограничений прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19 характеризуют их как лихорадочные, иррациональные и совершенно необоснованные меры со стороны государства [Толстых В.Л., 2022: 140].

Другие исследователи полагают, что в исключительных случаях допускается ограничение прав и свобод отдельной личности государством. Безграничная свобода индивида может привести к умалению интересов и прав других лиц, угрожать их безопасности [Ромашев Ю.С., 2013: 75]. Некоторые авторитетные российские юристы, рассуждая о пределах свободы и ответственности в современном обществе, придерживаются мнения о том, что свобода возможна только в ясно очерченных правовых рамках, а права абстрактной личности нельзя ставить выше интересов социума, члены которого соединены общей судьбой на определенной территории [Зорькин В.Д., 2019]. Признание в международном и национальном праве приоритета прав отдельного человека не означает игнорирования интересов других личностей. Поскольку масштаб и острота пандемии COVID-19 угрожают общественному здоровью, ограничение объема прав и свобод человека оправдано [Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г., 2021: 62].

В современной юридической науке утвердилось мнение, что при серьезной угрозе обществу допускается ограничение прав отдельного индивида. В условиях борьбы с коронавирусной инфекцией допускается усиление мер публично-правового воздействия на человека, в том числе применение механизма административного принуждения [Липинский Д.А., Макарейко Н.В., Попов И.Е., 2021: 25].

Многие российские исследователи полагают, что в условиях пандемии ограничение прав и свобод граждан стало вынужденной, но необходимой мерой [Латыпова Н.С., 2021: 96]. Поскольку в России установленные ограничения соразмерны целям, ради которых данные ограничительные меры были введены, они пропорциональны проблеме и законны [Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И., 2020: 144]. Указанные авторы, скорее всего, опираются на мнение Конституционного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 25.12.2020 обосновал, что введение ограничений прав и свобод человека продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019)¹⁰.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области

Некоторые исследователи полагают, что временные ограничения прав и свобод человека не должны вызывать опасений, поскольку в чрезвычайной ситуации личности часто ошибочно воспринимают меры, исходящие от государства, как ограничения своих прав, что вызывает у них чувство незащищенности и уязвимости. Целью установления ограничений прав и свобод человека является достижение компромисса между государственной и общественной необходимостью и интересами человека [Ягофарова И.Д., 2019: 79].

Ряд авторов выражает серьезные опасения насчет сложившейся в последние годы в связи с пандемией общемировой практикой введения ограничений отдельных прав и свобод человека. В частности, Е.С. Аничкин отмечает, что институт прав и свобод человека и гражданина претерпел негативную, хотя и вынужденную трансформацию в виде ограничения основных прав, приостановления реализации основных прав, возложения дополнительных обязанностей [Аничкин Е.С., 2021:101].

Е.Н. Дорошенко, в свою очередь, обратил внимание юридического сообщества на тот факт, что при введении различных ограничительных мер в условиях пандемии в российском законодательстве не были с должной ясностью определены условия, сроки и объем возможных ограничений, в связи с чем реализация конституционных прав человека и гражданина была поставлена в зависимость от содержания подзаконных нормативных актов. Речь идет о нормативных актах, принимаемых главами субъектов Российской Федерации и содержащих различные ограничительные меры [Дорошенко Е.Н., 2020: 48].

Ряд исследователей справедливо ставит вопрос: насколько совместимы ограничения прав и свобод человека и эффективная борьба с пандемией? Опыт Китайской Народной Республики показал, что жесткие методы государственного управления, в том числе карантинные меры, позволили быстро купировать распространение эпидемии на всей территории государства [Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г., 2021: 62]. Одновременно мы наблюдаем картину, при которой введение подобных ограничительных мер не способствует прекращению пандемии. В Швеции, например, отказались от жестких ограничений (локдауна), что не отразилось на действительности борьбы с пандемией¹¹.

«О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Главный эпидемиолог Швеции Тегнелл назвал верным отказ страны от карантина из-за COVID-19. Available at: URL: <https://ria.ru/20210926/shvetsiya-1751885997.html> (дата обращения: 08.01.2022)

Некоторые исследователи полагают, что последствием пандемии может стать изменение всей парадигмы прав человека. Изменяются приоритеты. Акцент постепенно смещается в пользу защиты общественного блага, в частности, здоровья всего общества при ограничении автономии личности и индивидуальных прав. То есть в целях общего блага допускается ограничение права отдельного субъекта (человека). Вместе с тем необходимо избегать подмены понятия «общественное благо» интересами отдельных экономических и властных элит или транснациональных корпораций [Раздьяконова Е.В., Рудт Ю.А., 2021: 54]. Право человека на охрану здоровья и на получение медицинской помощи постепенно перестает быть индивидуальным правом каждого. Содержание данного права все больше начинает формировать государство [Корниенко А.С., Самохвалов Н.А., 2021: 163].

Иногда полагают, что нормы международного права, допускающие ограничение прав и свобод человека являются лишь общими идеями или нормами-принципами, которые определяют направление в сфере ограничения прав и свобод человека в национальном законодательстве. Нормы об ограничении прав и свобод человека, сформулированные в международных договорах, должны конкретизироваться в нормативно-правовых актах отдельных государств [Умарова А.А., 2011: 41].

На наш взгляд, такая позиция ошибочна, поскольку на практике в процессе реализации ограничений прав и свобод может возникнуть неоднозначное толкование данного понятия и, как результат — появление значительного расхождения в законодательстве отдельных государств относительно условий и степени ограничений прав и свобод человека в чрезвычайных условиях. На наш взгляд, в международном праве должны быть установлены четкие основания, критерии и меры ограничений прав и свобод человека, которые будут являться эталоном для всех субъектов международного права.

Многие из допустимых международным правом мер по ограничению прав и свобод человека сформулированы в международных документах в общих чертах и требуют дальнейшей конкретизации и уточнения.

Заключение

Пандемия COVID-19 стала испытанием на прочность всей современной системы международного права, основанной на гуманистических, демократических ценностях и принципах. Важнейший институт прав и свобод человека в международном праве и национальном конституционном праве наряду с механизмом защиты и реализации прав и свобод человека испытал значительное давление и подвергся определенной трансформации. Векторами его трансформации стали ограничение некоторых основных прав, приостановление реализации ряда основных прав, а также возложение до-

полнительных обязанностей. COVID-19 не только выявил неравенство, но и усугубил ситуацию с правами человека во многих странах.

В современной системе права, основанной на гуманистических принципах, отсутствует иерархия человеческих прав. Отдельные виды прав и свобод человека, закрепленные в международных соглашениях, не обладают приоритетом над остальными видами прав и свобод, все они являются равноценными. Вместе с тем мы наблюдаем ситуацию, при которой государства в условиях пандемии начинают самостоятельно выстраивать иерархию прав и свобод человека и на первое место ставят право человека на здоровье. При этом «право на здоровье» понимается в основном в очень узком значении, как отсутствие у индивида конкретного заболевания (SARS-CoV-2). С целью реализации данного права вводятся беспрецедентные меры ограничения остальных человеческих прав и свобод в демократическом обществе

Отступление многих государств от их обязательств, закрепленных международными нормами, и введение дополнительных медико-санитарных мер без рекомендации ВОЗ подрывает международный порядок, основанный на общеобязательных нормах.

Сложившаяся в некоторых государствах практика ограничения прав человека, в том числе ограничения свободы передвижения посредством введения обязательного предъявления сведений (доказательств) о заболевании либо сведений о вакцинации, а также обязательного предъявления QR-кода содержат признаки дискриминации, что противоречит международному праву. Новейшие требования к гражданину доказывать уважительную причину его свободного перемещения в пределах населенного пункта даже в условиях санитарного карантина нарушают нормы международного права, сложившиеся в течение многих десятилетий, предшествующих пандемии.

В результате распространения пандемии появились новые формы дискриминации. Речь идет о лицах, которые в силу социального (имущественного) положения, пожилого возраста, или иных условий, или особенностей своего развития, не способны использовать Интернет, компьютерную технику, мобильные устройства, специальные приложения и программы, в том числе для получения образования, государственных услуг дистанционно или получения QR-кода для легального посещения публичных мест.

Повышенное внимание медиков к лицам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией, приводит к ущемлению прав других лиц, страдающих серьезными хроническими заболеваниями (онкологией, диабетом и др.), а также прав лиц, которым остановлено оказание плановой медицинской помощи или проведение плановых хирургических или иных операций, что, на наш взгляд, также является дискриминацией, ущемлением права индивида на здоровье по определенному признаку.

Международное право и национальное законодательство современных демократических государств гарантирует гражданам равные права и запрещают сегрегацию на какие-либо группы и классы по каким бы то ни было признакам. Однако на сегодняшний день имеются существенные противоречия между должным, формальным порядком по ограничению прав и свобод человека, установленным международным правом и реально сложившейся практикой субъектов международного права. Произвольное введение государствами ограничений прав и свобод человека в обход международного права, и, в частности, игнорирование рекомендаций ВОЗ — специализированного международного органа, уполномоченного обеспечивать общественное здоровье на глобальном уровне, подрывает международный правопорядок и создает дополнительные трудности в борьбе с пандемией.

Ограничительные меры должны быть научно обоснованы, соразмерны угрозе, они не должны мешать индивидуумам удовлетворять их основные потребности и получать необходимые услуги. Введение чрезвычайных мер ограничения прав и свобод человека в условиях пандемии не может быть основано на страхе.

Список источников

1. Аничкин Е.С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 101–111.
2. Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // Правоприменение. 2021. № 2. С. 62–76.
3. Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12. С. 48–56.
4. Грецова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис.... к. ю. н. М., 2009. 26 с.
5. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы / Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме. Санкт-Петербург, 16 мая 2019. Available at: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86> (дата обращения: 10.01.2022)
6. Корниенко А.С., Самохвалов Н.А. COVID-19: правовое регулирование всеобщей вакцинации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 148–166.
7. Лапаева В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 4–35.
8. Латыпова Н.С. Проблемы защиты прав человека в условиях пандемии COVID-19. Юридическая наука в Китае и России. 2021. № 4. С. 96–100.
9. Липинский Д.А., Макарейко Н.В., Попов И.Е. Юридическая ответственность в механизме противодействия современным угрозам национальной безопасности: но-

вой коронавирусной инфекции. Административное право и практика администрирования. 2021. № 1. С. 25–35.

10. Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 142–147.

11. Раздьяконова Е.В., Рудт Ю.А. Права человека и пандемия: в поиске баланса и новой правовой парадигмы // Закон и право. 2021. № 8. С. 48–55.

12. Ромашев Ю. С. Ограничения основных прав и свобод человека в международном праве и новации в российском уголовном законодательстве // Журнал российского права. 2013. №11. С. 75–84.

13. Толстых В.Л. COVID-19 и международное право: специальные вопросы. Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 128–142.

14. Умарова А.А. Стандарты ограничений прав и свобод в актах современного международного права // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 40–43.

15. Ягофарова И.Д. К вопросу о предельности ограничений прав и свобод человека. Бюллетень информационных технологий. 2019. Том 3. № 2. (10). С. 79–82.

16. Blassime A., Vaena E. What's next for COVID-19 apps? Governance and oversight. *Science*, 2020, no. 13, pp. 760–762.

17. Braun M., Hummel P. Contact-tracing apps: contested answers to ethical questions. *Nature* 2020, July, no. 583, p. 360.

18. Devi S. Travel restrictions hampering COVID-19 response. *Lancet*, no. 2020, no. 395, pp. 1331–1332.

19. Habibi R., Burci G., de Campos T. et al. Do not violate the International Health Regulations during the COVID-19 outbreak. *Lancet*, 2020, no. 395, pp. 664–666.

20. Labs J., Terry S. Privacy in the Coronavirus Era. *Genetic Testing and Molecular Biomarkers*, 2020, vol. 24, no. 9, pp. 535–536.

21. Meier B., Habibi R., Yang Y. Travel restrictions violate international law. *Science*, 2020, no. 367 (6485), p. 1436.

22. Morley J., Cowls J., Taddeo M. et al. Ethical guidelines for COVID-19 tracing apps. *Nature*, 2020, no. 582, pp. 29–31.

23. Park S., Choi G., Ko H. (2020) Information Technology–Based Tracing Strategy in Response to COVID-19 in South Korea–Privacy Controversies. *Journal of the American Medical Association*, no. 323, pp. 2129–2130.

References

1. Anichkin E.S. (2021) Constitutional status of an individual in the context of coronavirus pandemic: vectors of transformation in Russia. *Pravoprimerenie=Law Enforcement*, vol. 5, no. 3, pp. 101–111 (in Russ.)

2. Blassime A., Vaena E. (2020) What's next for COVID-19 apps? Governance and oversight. *Science*, no. 13, pp. 760–762.

3. Braun M., Hummel P. (2020) Contact-tracing apps: contested answers to ethical questions. *Nature*, no. 583 (7816), p. 360.

4. Devi S. (2020) Travel restrictions hampering COVID-19 response. *Lancet*, no. 395 (10233), pp. 1331–1332

5. Doroshenko E.N. (2020) Constitutional Law Foundations for the Restriction of Human Rights in Connection with the New COVID-19 Pandemic. *Akualnye problemy rossiysko-go prava=Current Issues of Russian Law*, no. 12, pp. 48–56 (in Russ.)

6. Gretsova E. E. (2009) Lawful restrictions on human rights and freedoms in international law. Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 26 p. (in Russ.)
7. Habibi R., Burci, G., de Campos T. et al. (2020) Do not violate the International Health Regulations during the COVID-19 outbreak. *Lancet*, no. 395 (10225), pp. 664–666.
8. Kornienko A.S., Samokhvalov N.A. (2021) COVID-19: Legal Regulation of Universal Vaccination. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 5, pp. 148–166 (in Russ.)
9. Lapaeva V.V. (2021) The Law of a Technogenic Civilization to Face Technological Dehumanization Challenges. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 14, no. 3, pp. 4–35 (in Russ.)
10. Latypova N.S. (2021) Protecting human rights during COVID-19 pandemic. *Yuridicheskaya nauka v Kitae i Rossii*=Legal Science in China and Russia, no. 4, pp. 96–100 (in Russ.)
11. Labs J., Terry S. (2020) Privacy in the Coronavirus Era. *Genetic Testing and Molecular Biomarkers*, no. 9, pp. 535–536.
12. Lipinsky D.A., Makareiko N.V., Popov I.E. (2021) Legal responsibility in the mechanism of countering modern threats to national security: a new coronavirus infection. *Administrativnoe pravo and administrativnaya praktika*=Administrative law and administration, no.1, pp. 25–35 (in Russ.)
13. Meier B., Habibi R., Yang Y. (2020) Travel restrictions violate international law. *Science*, no. 367 (6485), p. 1436.
14. Morley J., Cowls J., Taddeo M. et al. (2020) Ethical guidelines for COVID-19 tracing apps. *Nature*, no. 582, pp. 29–31.
15. Park S. et al . (2020) Information Technology–Based Tracing Strategy in Response to COVID-19 in South Korea–Privacy Controversies. *Journal of American Medical Association*, no. 323, pp. 2129–2130.
16. Popov M.Yu., Samygin P.S., Samygin S.I. (2020) The discussion on the limitation of human rights and freedoms in pandemic times. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obschestvennyye nauki*=Humanities, socio-economic and ye фд.social sciences, no. 4, pp. 142–147 (in Russ.)
17. Razdyakonova E.V., Rudt Y.A. (2021) Human rights and the pandemic: in search of balance and a new legal paradigm. *Pravo i zakon*=Law and Statute, no. 8, pp. 48–55. doi: 10.24412/2073-3313-2021-8-48-55 (in Russ.)
18. Romashev Yu.S. (2013) Restrictions on fundamental human rights and freedoms in international law and innovations in Russian criminal law. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian law, no. 11, pp. 75–84 (in Russ.)
19. Tolstykh V.L. (2022) COVID-19 and International Law: Special Issues. *Moskovskiy zhurnal mezhnarodnogo prava*=Moscow Journal of International Law, no. 1, pp. 128–142 (in Russ.)
20. Umarova A.A. (2011) Standards of restrictions on rights and freedoms in acts of modern international law. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*=The gaps in the Russian legislation, no. 2, pp. 40–43 (in Russ.)
21. Vasilevich G.A., Ostapovich I.Yu., Kalinina E.G. (2021) Coronavirus pandemic as a reason for limitation of human rights and freedoms. *Pravoprimenenie*=Law Enforcement, no. 2, pp. 62–76 (in Russ.)
22. Yagofarova I.D. (2019) On the issue of the limitation of restrictions on human rights and freedoms. *Bulleten' informatsionnykh technologiy*=Information Technology Bulletin, vol.2, no. 10, pp. 79–82 (in Russ.)

23. Zorkin V.D. (2019) The right of metamodernity. Lecture at the IX St. Petersburg legal forum. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86> (in Russ.)

Информация об авторе:

А.Н. Сквозников — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author:

A.N. Skvoznikov — Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 08.05.2022.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 08.05.2022.